

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

АРМЯНСКАЯ ЧАСТЬ МОЕЙ СЕМЬИ

О. В. СПАЧИЛЬ

Кубанский государственный университет

Хочется поведать о нашей, хоть и частично, соотечественнице, которая, к счастью, не сталкивалась со зверствами лично, но совершенные в начале XX века турецкие преступления пропитали память ее семьи, история которой повторяется в разбросанных по миру очень многих других домах, родах и семьях.

Ольга Спачиль – одна из многих тысяч потомков тех, кто стал свидетелем турецких зверств на Армянской земле: по деду и бабушке с материнской стороны (Гайку Вартановичу Фундукяну и Ашхен Саркисовне Полодян) – армянка.

О.В. Спачиль в своем письме 22 марта 2015 г. в редакцию журнала пишет:

«Я родилась в 1955 г. на Урале от отца-чеха и матери-армянки.

Две бабушки, которые меня любили – это баба Роза и баба Ася. Я уже потом узнала, что бабушку Асю зовут Ашхен, а ее родную старшую сестру – Вартуш. На Урале армянские имена быстро заменяли более привычными для уха эквивалентами. Так моя мать стала из Заруи Зиной, дядя – из Завена Сашкой, а бабушка Ашхен Саркисовна – Асей Сергеевной. Повезло только моей тетке (старшей сестре мамы) из Забелл она стала Изабеллой, или Беллой – имя, увековеченное великим М.Ю. Лермонтовым, никто тронуть не посмел. И Вартуш и Ашхен между собой говорили по-армянски, а когда секретничали или очень сердились и хотели выругаться – то исключительно по-турецки. Со мной говорили по-армянски, а если случайно вместо русского «Да» у меня вырывалось «Ага!», то я за это получала подзатыльник: «“Ага” по-турецки дядька!». Слово было навсегда табуировано в моем лексиконе!

Коротко рассказать о моих бабушках-армянках трудно. Почти невозможно оторвать их друг от друга, поэтому о Вартуш и Ашхен я буду рассказывать вместе. Саркис Полодян, мой прадед, быстро понял, что в Турции ничего хорошего армян не ждет, и перевез жену Гегуш с дочерью Вартуш в Крым, а затем переехал туда и сам. В 1905 г. в семье родилась Ашхен. Детей было много, все трудились – в крестьянском хозяйстве работы всем хватало. Вартуш выдали замуж за Мисака Кокосяна, но брак оказался бездетным. Вскоре от свирепствовавшего в Крыму в 20-е годы тифа Саркис и Гегуш Полодяны умерли. Вартуш стала старшей сестрой и заменила мать всем младшим детям – Ашхен, Шушан, Антранику, Майрам. Братья и сестры всю жизнь держались вместе, любили друг друга и поддерживали.

В 16 лет Вартуш выдала замуж Ашхен за очень хорошего человека – Гайка Фундукяна. Гайка с братом Нерсесом семья знала еще по Турции, они были из одного села, но приехали в Крым гораздо позже, только в 1917 г.

Их родное село располагалось в 20 км от Трабзона. К 1915 г. у Нерсеса Фундукяна была уже своя семья и двое маленьких детей, Гайк еще жил с родителями, ему было 18 лет. По рассказам бабушки, в этот день Нерсес, Гайк и их отец Вартан, уехали из села очень рано – день был базарный. Когда же они возвращались домой, то на дороге их встретил подросток из их села – он плакал и просил не ехать в село – там были турки. Отец и сыновья дождались ухода турок и вечером пробрались домой. Нерсес нашел

свою жену с перерезанным горлом, у его двух сыновей головы были отсечены, мать Нерсеса и Гайка лежала неподалеку в луже собственной крови. Нашли тяжело раненную тетку, погрузили ее и кое-что из скарба на телегу и все вместе ушли прятаться в лес. Места были хорошо знакомы, с детства семья собирала здесь лесные орехи, откуда и фамилия – Фундукян.

Гайк рассказывал жене и детям, о том, как они жили в лесу, о том, как, найдя падаль, он вымывал червей из мяса, а потом это мясо ели, как боялись разводить огонь, как встретили в лесу таких же беглецов, как из страха, что выдаст всех, мать задушила плачущего ребенка. Эти рассказы я слышала много раз и от бабушек, и от мамы. Рассказы о том, какой радостью была весть о кораблях, на которых можно было уплыть в страны-спасительницы. Конечно же, Фундукяны выбрали Крым – там уже жили односельчане.

Деревня называлась Новая Бурулча Зуйского района (ныне село Цветочное). В Крыму оба брата женились, у обоих родилось по трое детей (моя мама родилась в 1926 году) и все бы хорошо, но тут Гайк как человек образованный и честный стал коммунистом, а затем и бригадиром в колхозе им. Кирова. Бабушка Ашхен ждала четвертого ребенка и, проходя мимо колхозного сада, попросила у Гайка яблоко. Он, улыбнувшись («без улыбки он на меня не смотрел» – всегда говорила мне бабушка), сказал, что завтра купит. Но завтра был арест. Обвинение незамысловатое – армянский национализм. На свидании он улыбнулся бабушке, как оказалось, в последний раз: «Не волнуйся, я на суде все докажу». Вскоре в семью пришло извещение. Приговор: «10 лет без права переписки». Начались долгие годы ожидания. Бабушка только через много лет узнала, что по постановлению Тройки НКВД от 15 февраля 1938 г. Гайк Вартанович Фундукян 1896 года рождения был расстрелян вскоре после «суда».

Судьба брата сделала Нерсеса настоящим дашнаком, он посвятил всю свою дальнейшую жизнь служению армянскому народу. Во время оккупации Крыма в 1942–1944 гг. Нерсес с семьей уехал в Аргентину, а затем перебрался в Калифорнию. Звал он с собой и Ашхен с детьми, но Ашхен не поехала: «А вдруг Гайк вернется, где будет нас искать?». Сын Завен – в партизанах. В лесу голодно, вши, вот и приходилось бабушке и стирать на них, и еду передавать. Моей маме Заруи староста выдал новые документы, сделав ее на два года моложе, чтобы не угнали в Германию. И еще ей разрешили кормить пленных.

Крым освободили. Бабушка с сестрами Вартуш и Шушан напекли хлеб, вынесли на дорогу стол и раздавали нашим солдатам намазанные маслом куски белого хлеба. 17 июня 1944 года в полевом госпитале Забелл родила девочку Анжеллу. Солдаты очень переживали и положили на открытое окно палаты плитку шоколада. Войска пошли дальше. А 26 июня в 4 утра в дверь дома громко постучали. Собирайтесь, вас выселяют. Вы – враги народа: «Нацмены сражались против Красной армии. Можно взять только то, что унесете». В одной руке Забелл был десятидневный младенец, в другой – кусок мыла, Вартуш схватила перину и помогала больному к тому времени мужу влезть на грузовик, Заруи захватила лохань, бабушка взяла кое-что из еды и семена. Телячьи вагоны, солома, на каждой станции выносили из вагонов стариков и детей и оставляли остывающие тела рядом с железнодорожным полотном. Хоронить было некогда. Никого не кормили, но зато на любой станции всегда был кипяток. Лохань и кусок мыла оченьгодились.

Новая Ляля – два барака посреди леса. Одна комната – одна семья. Мужчины подъехали уже после победы. Анраник Полодян, бабушкин брат, вернулся с орденами и медалями на груди и несколькими осколками в легких. Я помню его добрые глаза, он всегда нас, внуков, баловал, но дышал страшно, со свистом, ходил медленно и умер в 1964 году. Арменак Полодян пришел с орденом Красного знамени. Все приехали к своим семьям прямехонько на Урал. Раньше их, после расформирования партизанского отряда в

Крыму, приехал кери Завен Фундукян. А вот Изабелл не дождалась своего Аркадия Овсепяна – похоронка нашла ее за Уральским хребтом, он так и не узнал, что стал отцом девочки, названной Анжелла.

На Урале прожили долго – с 1944 по 1964 год. Моя мама хлебнула всего – и лесоповал, и полуголодную жизнь, и туберкулез. Через 10 лет всех реабилитировали, и можно было уезжать с Урала, но куда? Дома в Новой Бурулче были отданы русским семьям, возвращаться в Крым армянам запрещалось. Мама вышла замуж за Виктора Спачилия (потомка белочеха и сироту), в 1955 году родилась я. Постепенно все начали перебираться в Краснодарский край: нашлись родные и односельчане в Анапе, Гайкадзоре, Краснодаре, Шаумяне Туапсинского района. Держались вместе, помогали друг другу, жили в тесных съемных комнатах, работали и постепенно обзаводились собственными углами. Мы с бабушкой задержались на Урале – первый класс я окончила в Невьянске, куда по распределению попала моя двоюродная сестра Анжелла. В Краснодаре я уже пошла во второй класс и все никак не могла привыкнуть к тому, что зимой вокруг городской елки нет фигур из раскрашенного льда, да и снега почти нет. Зато в Краснодаре, как и на Урале, как и в Крыму, как до того в Трабзоне Фундукяны, Полодяны, Симоняны, Кукуяны, Нерсесяны, Кешишьяны были вместе.

Всем, кого потретила воспоминаниями, – Царство небесное! Мы помним вас».

Мы искренне признательны автору этих строк памяти, кандидату филологических наук, доценту кафедры английской филологии Кубанского государственного университета Ольге Викторовне Спачиль за организацию публикации на страницах настоящего номера эссе и художественных и семейных хроник, авторы которых откликнулись и любезно прислали в редакцию свои, как намеренно назвал их священник Даниэл, «вспоминания», в частности:

«Вспоминания и размышления потомка жертв ГЕНОЦИДА сто лет спустя» кандидата исторических наук, доцента Кубанского государственного университета, Насоятеля храма Св. Саака и Св. Месропа из г. Краснодара Даниэла Кукуяна;

Филолога и литературоведа Татьяну Нариевну Колмогорову, приславшую свои Воспоминания об отце (Халатове Нарайе Иноковиче) «Моя семья», в начале XX века чудом спасшегося от турецкого ятагана; и рассказы Члена Союза театральных деятелей России, актера и литератора Александра Васильевича Колмогорова – «Титернак» и «Уцелье», опубликованные в его сборнике "Прошу ответить девушку" (Москва: Литературный клуб: Классики XXI века, 2015)

В публикации материалов этого раздела журнала принимала участие Елена Юрьевна Третьякова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков и литературы Краснодарского государственного университета культуры и искусств.

Редакция выражает благодарность авторам за понимание важности поднятой в этом номере проблемы.

НИЗКИЙ ВСЕМ ПОКЛОН!